

11. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.

*А.А. Корниенко
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н., доцент О.А. Скубач*

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

Аннотация

В предлагаемой работе гастрономические мотивы в романе Ю. Олеши «Зависть» рассматриваются в связи с системой персонажей романа и, в частности, с фигурой главного героя Николая Кавалерова. Акцент ставится на концепции инфантильности в психоаналитической теории З. Фрейда.

Ключевые слова: психоанализ, инфантилизм, детство, либидо, пища.

Исследуя роман Ю. Олеши «Зависть», невозможно не обратить внимания на преобладание детских мотивов в поведении главного героя романа, Николая Кавалерова. Данная работа направлена на рассмотрение самых показательных на наш взгляд мотивов — гастрономических. И, если мы говорим о природе детства и роли еды в жизни ребёнка, мы не можем обойти стороной психоаналитическую теорию Зигмунда Фрейда, являющуюся для данного исследования значимой методологической опорой.

Палитра работ, посвященных «Зависти», широка и включает в себя как классические работы [1; 7; 9], так и современные исследования [3; 4]. Олеша — относительно изученный автор. Есть работы, осуществляющие психоаналитический анализ его текстов, в том числе «Зависти»; есть работы, касающиеся гастрономических мотивов [2]. Тем не менее, перспективы исследования гастрономических мотивов с учётом психоаналитических подходов далеко не исчерпаны.

Следует начать со значимого фрагмента речи Юрия Олеши на первом съезде советских писателей в 1934 году:

«Шесть лет назад я написал роман «Зависть». Центральным персонажем этой повести был Николай Кавалеров. Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип автобиографический, что Кавалеров — это я сам.

Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежат мне. И это были наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства, были вынуты из самого заветного уголка, из ящика неповторимых наблюдений» [5, с. 57].

В данном фрагменте нас интересует следующее. В первую очередь явное обыгрывание Олешей автобиографического мифа и поэтический уход от однозначности: всё-таки Кавалеров – это Олеша, или же от своего создателя герой перенял только взгляд на мир? А отсюда уже особенность этого взгляда, о которой писатель сказал на этот раз прямо – это детское видение мира, наполненное красками, цветами, образами, это взгляд поэта. Если бы мы брали речь Олеси в отрыве от «Зависти», мы не заметили бы в ней ничего подозрительного. Казалось бы, что может быть лучше и приятнее детства и всего, что с ним связано? Но, предвкушая дальнейшие шаги по запутанному и коварному миру романа, мы не стали бы допускать такие неосторожные мысли.

«Зависть» – это одновременно и меню человеческих пороков, и душераздирающий крик испуганного младенца, и целенаправленная попытка Олеси задушить в себе ребёнка, ставшего слишком навязчивым и непослушным, это бегство от явления, которое в психологии и в психиатрии носит название «инфантилизм».

Говоря о красках и образах, пришедших из детства, писатель даёт подсказку потенциальному исследователю: начать свой путь следует именно здесь, с призмы детского восприятия, которая столь многое значит в понимании этого маленького балаганного мира, запечатлённого Олешей.

Уже на первой странице мы обнаруживаем откровенно фрейдистскую картину. Николай Кавалеров наблюдает за Андреем Бабичевым, поющим в уборной:

«Он поет по утрам в клозете. Можете представить себе, какой это жизнерадостный человек. Желание петь возникает в нем рефлекторно. Эти песни его, в которых нет ни мелодии, ни слов, а есть только одно “та-ра-ра”, выкрикиваемое им на разные лады, можно толковать так:

“Как мне приятно жить... та-ра! та-ра!.. Мой кишечник упруг... ра-та-та-та-ра-ри... Правильно движутся во мне соки... ра-ти-та-ду-та-та... Сокращайся, кишка, сокращайся... трам-ба-ба-бум!”» [6, с. 12].

С этого момента следует ввести небольшой объём психоаналитической теории, являющейся базисом для дальнейшего хода работы. Согласно Фрейду: «Либи́до, совершенно аналогично голоду, называется сила, в которой выражается влечение, в данном случае сексуальное, как в голоде выражается влечение к пище. <...>Первые сексуальные побуждения у грудного младенца проявляются в связи с другими жизненно важными функциями. Его главный интерес<...>направлен на приём пищи<...>. Если бы младенец мог объясняться, он несомненно признал бы акт сосания материнской груди самым важным в жизни. То, что яснее всего обнаружилось при приёме пищи, отчасти повторяется при выделениях» [8, с. 274-276]. Пение Бабичева очевидно интерпретируется Кавалеровым как получение удовольствия от акта дефекации. Далее Кавалеров ещё неоднократно выделяет детские черты Бабичева: «Он моется, как мальчик: дудит, приплясывает, фыркает, выпускает вопли. <...>Полощет горло он с клеткотом. <...>Он похож на большого мальчика-толстяка» [6, с. 14]. В подобной характеристике прослеживается проекция

Кавалерова на Бабичева, он будто бы отвлекает читателя от своих собственных инфантильных особенностей, как бы говоря «Посмотрите, вот же настоящий ребёнок, а я – другой». Тем не менее, совсем скоро читатель перестаёт верить в подобный трюк. После едкого высказывания Кавалерова всё встаёт на свои места: «Он, Андрей Петрович Бабичев, занимает пост директора треста пищевой промышленности. Он великий колбасник, кондитер и повар. А я, Николай Кавалеров, при нём шут» [6, с. 16]. Из этой значимой фразы вытекает несколько интересных наблюдений. В первую очередь это признание доминирующей позиции пищевода, которого Кавалеров позже назовёт жрецом: «Там, где я не могу различить даже начал, от которых можно вести сравнение, он видит нечто настолько отступающее от этих начал, что раздражается хохотом. Я с ужасом внимаю ему. Это хохот жреца. Я слушаю его, как слепой слушает разрыв ракеты» [6, с. 19]. Человек, заведующий пищей, в глазах ребёнка подобен некому страшному жрецу, причастному к чему-то недостижаемому и великому. Встаёт закономерный вопрос: почему пища для Кавалерова – явление почти божественное? Здесь стоит вернуться к Фрейдю и его понятию «либидо». Тогда становится очевидным тождество еды и секса в картине мира Кавалерова, и, соответственно, недостижимость именно сексуальной сферы жизни, сублимируемой в сфере пищевой.

Весь мир в глазах Кавалерова – меню. Даже окно в уборной видится ему яйцом: «В дверь уборной вделано матовое овальное стекло. Он поворачивает выключатель, овал освещается изнутри и становится прекрасным, цвета опала, яйцом. Мысленным взором я смотрю на это яйцо, висящее в темноте коридора» [6, с. 12]. Иронически рассуждая о том, как его не любит мебель, он сетует: «Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня» [6, с. 14]. Показательно и следующее его высказывание: «С одеялом у меня всегда сложные отношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает» [Там же]. На наш взгляд, совершенно не случайно последовательное упоминание постели и еды – с этим у Кавалерова действительно очень сложные отношения. Всё, что жизненно важно для младенца, приобретает колоссальную значимость и для Кавалерова, примером этому служит данный фрагмент:

«В той комнате, где я жил до переселения сюда, стоит страшная кровать. Я боялся ее, как привидения.<...>На ней синее одеяло, купленное мною в Харькове<...>.Баба торговала пирогами. Они укрыты были одеялом. Они, остывающие, ещё не испустившие жара жизни, почти что лопотали под одеялом, возились, как щенки.<...>...в тот день я принял твёрдое решение: купить себе такое же одеяло. Мечта исполнилась. В прекрасный вечер я влез под синее одеяло. Я кипел под ним, возился, теплота приводила меня в шевеление, точно был я желатиновый. Это было восхитительное засыпание» [6, с. 27].

Бегство героя в мир детства обусловлено страхом смерти. Нарциссизм в нём вступает в конфликт с комплексом неполноценности, создавая личностный дисбаланс. Невроз проявляется в осознании своей никчёмности и одновременно

в отчаянной попытке переубедить себя в этом. Неумолимое чувство досады и безысходности захлестывает Кавалерова при мысли о своём возрасте:

«Мне двадцать семь лет.

Меня как-то рубашку, я увидел себя в зеркале и вдруг как бы поймал на себе разительное сходство с отцом. <...> Я вспомнил: родительская спальня и я, мальчик, смотрю на меняющего рубашку отца. Мне было жаль его. Он уже не может быть красивым, знаменитым, он уже готов, закончен, уже ничем иным, кроме того, что он есть, он не может быть. Так думал я, жалея его и тихонько гордясь своим превосходством. А теперь я узнал в себе отца. <...> И как бы кто-то сказал мне: ты готов. Закончен. Ничего больше не будет. Рожай сына»[Там же].

Бесконечный ужас перед перспективой быть «законченным» и погружает Кавалерова в инфантильное состояние настолько, что его личность, зажатая тисками вечных страхов, не имеет возможности развиваться в зрелого человека. Он ощущает себя потерянным и брошенным, нелюбимым и неприкаянным. Физиологически он давно перестал быть ребёнком, но всё ещё требует к себе безусловной любви, которую не умеет давать взамен, т.к. его Я-либидо так и не переросло в объект-либидо. В любви он постоянно ожидает подвоха: «Мне снится, что прекрасная девчонка, мелко смеясь, лезет ко мне под простыню. Мои мечтания сбываются. Но чем, чем я отблагодарю её? Мне делается страшно. Меня никто не любил безвозмездно. Проститутки и те старались содрать с меня как можно больше, – что же она потребует от меня? Она, как полагается во сне, угадывает мои мысли и говорит: – О, не беспокойся. Всего четвертак!» [6, с. 29].

«Завистью» Олеша попытался убедить самого себя в необходимости стянуть невероятно уютное одеяло, завернувшись в которое, можно остаться в нём навсегда. Он видел важность в расставании с прошлым и обрубил его, лишившись вместе с этим лёгкости и метафоричности поэта. Однако внутренние противоречия всё же не позволили ему адаптироваться к новой жизни. Во время уже упомянутого первого съезда советских писателей 1934 года Олеша выразил свои сомнения:

«Как художник проявил я в Кавалерове наиболее чистую силу, силу первой вещи, силу пересказа первых впечатлений. И тут сказали, что Кавалеров пошляк и ничтожество. Зная, что много в Кавалерове есть моего личного, я принял на себя это обвинение в ничтожестве и пошлости, и оно меня потрясло. Я не поверил и притаился. Я не поверил, что человек со свежим вниманием и умением видеть мир по-своему может быть пошляком и ничтожеством. Я сказал себе – значит, все это умение, все это твое собственное, все то, что ты сам считаешь силой, есть ничтожество и пошлость. Так ли это? Мне хотелось верить, что товарищи, критиковавшие меня (это были критики-коммунисты), правы, и я им верил. Я стал думать, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле нищета»[5, с. 57].

Нам не кажется правдоподобным полное незнание Олешей того, что именно он написал и для чего ему это было нужно. Потрудились ли здесь

бессознательное или же показное неведение было очередной игрой ребёнка-Олеши – дело десятое. Нам известно одно – лампочка Олеши перегорела, но её «мгновенный, прекрасный блеск» всё же стоил таких жертв.

Используемая литература

1. Жолковский, А.К. Блуждающие сны и другие работы / А.К. Жолковский. – М.: Наука, 1994. – 428 с.
2. Зибницкий, Э. Эрос революции: антропологическая проблематика романа Ю. Олеши «Зависть» / Э. Зибницкий // Посев. – 2016. – №6. С. 25-35.
3. Комия, М. Автобиографический миф в романе Ю.К. Олеши «Зависть» / М. Комия // StudiaLitterarum. – 2018. – №3. С. 162-175.
4. Комия, М. Три толстяка в романе «Зависть»: система персонажей в романах Ю. Олеши / М. Комия // Вестник Московского университета. – Сер.9. Филология. – 2012. – №4. С. 140-147.
5. Олеша, Ю.К. Зависть; Три Толстяка; Воспоминания; Рассказы / Ю.К. Олеша. – М.: Эксмо, 2013. – 704 с.
6. Олеша, Ю.К. Избранное / Ю.К. Олеша. – Ф.: Адабият, 1989. – 640 с.
7. Смирнов, И. Роман и смена эпох: «Зависть» Ю. Олеши / И. Смирнов // Звезда. – 2012. – №8 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/8/roman-i-smena-epoch-zavist-yuriya-oleshi.html> (дата обращения: 27.04.2021).
8. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд. – М.: Эксмо, 2020. – 416 с.
9. Чудакова, М.О. Мастерство Ю. Олеши / М.О. Чудакова. – М.: Наука, 1972. – 99 с.

*А. С. Сарайкина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н., доцент Т. А. Богумил*

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ТРИЛОГИИ М. УСПЕНСКОГО «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖИХАРЯ»

Аннотация

В данной статье представлено комплексное рассмотрение выразительных средств комического в трилогии М. Успенского «Приключения Жихаря» («Кого за смертью посылать»; «Там, где нас нет»; «Время Оно»). Это игра с прецедентными текстами, языковая игра и игра со стилями и жанрами.

Ключевые слова: фэнтези, комическое, прецедентные тексты, языковая